

Призрачные сны в разрушенном дворце

Черноризник выпрямился во весь рост. Он перевернул ладонь, и уцелевшие бутоны с Пурпурной глицинии огненной темницы упали ему на руку.

— Есть ещё кое-что, — Янь Цзиньтин выглядел непривычно обеспокоенным. — Много лет назад Пурпурная глициния огненной темницы зацвела обычными цветами, утратив свою чистоту. Моя душа была беспокойна, и цветы опадали один за другим. Я пытался выяснить причину. Оказалось, что в каждом цветке заключён свой маленький мир, но все они ведут в огненную темницу на дне озера Ганьцзян.

Цзинь Добао, придя в себя, усмехнулся:

— Сяо Янь, а ты, старое дерево, никак зацвести надумал.

Янь Цзиньтин на мгновение замер, а затем нахмурился.

— Как раз вовремя, — сказал Дань Фэн. — Мои зеркальные клинки сломаны, и я как раз переживал, что голыми руками не рассчитаю силу. Кстати, эти цветы не искрят?

— Нет, — ответил Янь Цзиньтин. — У меня есть ещё неотложные дела. Мой ученик в городе, он передаст их тебе.

— У тебя появился ученик? — удивился Дань Фэн и указал на Цзинь Добао. — Такой же родной, как у него?

— Дикий, — безэмоционально ответил Янь Цзиньтин.

— Тогда он, должно быть, такой же твердолобый, как и ты, — рассмеялся Дань Фэн. — Спасибо, Сяо Янь.

— Бессовестный! — проворчал Цзинь Добао. — Посмотрим, как ты через месяц явишься с повинной.

— Взаимно, — сказал Дань Фэн. — Иди собирай деньги для своего хорошего ученика. Береги себя, не умирай. Прощайте.

Слово «прощайте» он не произносил уже много лет. Встреча с братьями была омрачена тяжёлыми мыслями, былого уже не вернуть. Время шло, всё менялось, и нельзя было

задерживаться ни на мгновение.

Будут ли ответы на все вопросы при следующей встрече?

Он не заикливался на проблемах, которые не мог решить сразу. Для него было достаточно действовать по велению сердца, рубить сплеча.

Дань Фэн взмахнул рукой, и Зеркало малого возвращения духа, превратившись в медную монету, упало ему за шиворот.

Знакомый холодок сопровождался резкой болью. Предупреждение Зеркала заставило Дань Фэна сглотнуть и обернуться.

Высокие и низкие павильоны резиденции градоначальника застыли в предрассветной дымке. Несколько дворцовых фонарей снаружи яростно раскачивались, их красный свет падал на землю, словно кровавый дождь. Скрип открывающихся ворот и торопливые шаги вселяли тревогу.

Очевидно, после нападения на Се Хунъи вся резиденция была охвачена скрытым напряжением. Даже на расстоянии одного переулка его собственное сердце забилося чаще.

Слишком близко.

Ответы, которые он искал, были на расстоянии вытянутой руки. Отступить было нельзя.

Се Хунъи был настороже, а он ничего не знал о прошлом. Даже если он ворвётся в резиденцию, он не сможет там долго пробыть.

Мысли Дань Фэна работали с бешеной скоростью. Направляясь к боковым воротам, он запоминал узоры на шёлковых тканях, развешанных вдоль пути.

— Эй, ты что, просто так уходишь? — закричал Сюэ Юнь. — Что ты за дядя такой? Ты разве не должен присматривать за мной вместо моего наставника?

Опять этот парень.

— В этом мире кредиторы — лучшие надсмотрщики, — цыкнул Дань Фэн.

— А ты не боишься, что они меня убьют? — спросил Сюэ Юнь.

Дань Фэн злорадно усмехнулся:

— Ты очень ценный, племянничек. Что до остальных... госпожа Е — старая знакомая градоначальника. Кто в этом городе осмелится перечить Се Хуньи? Не ищи смерти, и не умрёшь.

— Нет! Они заставляют меня ткать, чтобы отработать долг, и обращаются со мной, как с обезьяной! Я ненавижу, когда со мной так обращаются! Не толкайте меня, я ученик Обители Сихэ, я лучше умру, чем буду ткать! — кричал Сюэ Юнь.

— Какой гордый! А мы как раз хотим посмотреть, как ученик Обители Сихэ ткёт!

Феи окружили его, издеваясь ещё больше. Е Шуанчоу стояла в стороне с мрачным лицом, обнимая мягкую шёлковую подушку.

Цветок на подушке был вышит лишь наполовину, нить оборвалась.

С её молчаливого согласия две юные феи схватили Сюэ Юня за руки и принялись разгибать его пальцы один за другим.

— Какие ловкие руки. Ты сможешь ткать.

— Не смогу! — взревел Сюэ Юнь.

— Госпожа Е, — сказал Дань Фэн, — если не получается вышить цветок-шпильку, вышейте цветок шореи. Вашему Высочеству понравится.

— Не мели чепухи! Цветок-шпилька растёт у Небесной обители Суи, он всегда был рядом с Его Высочеством, когда тот слушал сутры. Как можно его просто так заменить? — выпалила одна из юных фей, но Е Шуанчоу остановила её.

— Откуда ты это знаешь? — нахмурилась Е Шуанчоу. — Я сама лишь недавно заметила, что Его Высочество посадил у себя в покоях шорею.

Дань Фэн сказал это наугад, но теперь его сердце ёкнуло.

Десять лет прошло. Шорея у Белой Пагоды давно обратилась в прах вместе с алтарём. Всё прошло, но Се Хуньи сохранил одно-единственное дерево.

Когда он обнимал эту шорею, чувствовал ли он хоть каплю раскаяния?

— Вы меня не видели, так что говорить бесполезно, — с тоской в голосе произнёс Дань Фэн.

Он сделал вид, что собирается толкнуть дверь, но Е Шуанчоу стала ещё подозрительнее.

— Постой. А почему мы должны были тебя видеть?

— Ещё во дворце Чанлю я был другом вашего господина, — сказал Дань Фэн. — Если не сказать, что мы проводили вместе дни и ночи, то уж точно вели долгие беседы. Раз вы меня даже не видели, значит, вы не из его ближайшего окружения. Возможно, за весь год вы и видите-то его всего пару раз.

При этих словах даже Е Шуанчоу и перешёптывающиеся феи замолчали, их лица слегка покраснели от досады.

— Мы... мы ездим на повозке для измельчения благовоний, собирая для Его Высочества нити, поэтому во дворце бываем редко, — тихо произнесла одна из них.

— Не слушайте этого лжеца! — отрезала Е Шуанчоу.

— За столько лет Его Высочество всё так же играет на флейте под злой радугой? — усмехнулся Дань Фэн. — Играть на флейте лучше, чем на цине. Когда он играет на цине, он от гнева ранит себя, и струны рвутся очень быстро.

— Да, — сказала одна из фей. — Государь редко гневается, но он прогнал учителя музыки Его Высочества. Хотя... все говорили, что игра Его Высочества на цине не имеет себе равных в мире, что даже птица-луань забывает о возвращении, но государь требовал от него лишь сдержанности и спокойствия.

— А при расчёсывании волос Его Высочество всё так же не любит, когда к нему приближаются? — продолжал Дань Фэн. — Его волосы так трудно расчёсывать, это отнимает много времени.

С каждым его словом глаза фей расширились.

Дань Фэн говорил наугад, внимательно следя за их реакцией, и, кажется, угадал в восьми случаях из десяти. К концу он и сам впал в некое подобие транса, словно действительно когда-то был рядом с наследным принцем Чанлю, касаясь его холодных чёрных волос.

Его взгляд упал на подушку в руках Е Шуанчоу.

Птица Боци приносит цветок-шпильку, чтобы сны уносили в страну белых облаков.

Она с таким трудом искала Шёлк ясного света, чтобы вышить эту Подушку безмятежных снов?

Значит, как и у Белой Пагоды, его мучают кошмары.

— У Его Высочества снова обострилась боязнь снов, да? Он не может спать по ночам и засыпает, только держась за мои волосы.

Феи, слушавшие его, подперев щёки руками, внезапно подняли головы, и в их глазах появилось подозрение.

Дань Фэн нахмурился, почувствовав неладное.

— Этот лжец несёт чушь, а вы ему верите, — холодно усмехнулась Е Шуанчоу. — Его Высочество с детства принимает Рецепт Великого Спокойствия для Умиротворения Сердца. Как у него могут быть кошмары? Это началось лишь недавно. Ты насобирал слухов и всё перепутал, вот и прокололся.

— Кошмары или нет, знает только тот, кто спит рядом, — сказал Дань Фэн.

— Тебе бы рот с мылом вымыть, не смей порочить честь наследного принца! — возмутилась Е Шуанчоу. — Я спрашиваю тебя, ты из Обители Сихэ, у тебя духовный корень огня?

— Да, — ответил Дань Фэн.

Е Шуанчоу, словно всё решив, трянула счётами, и феи, как по команде, воскликнули:

— Точно, лжец!

— Да, врёт и не краснеет. Мужчины отвратительны.

— Людей из Обители Сихэ и так едва терпят, как он мог приблизиться к Его Высочеству!

Уголок рта Дань Фэна дёрнулся.

Он никак не ожидал, что его хитроумный план, основанный на наблюдательности и умении читать по лицам, провалится из-за дурной репутации его клана.

— Эх, а я-то думал, что дворец Чанлю — самое гостеприимное место. Неужели так теперь встречают гостей?

— А чья это вина? — смерила его взглядом одна из фей. — Куда бы вы ни пошли, вы обязательно сожжёте пару гор, высушите пару морей. Даже Изумрудная завеса и облачная ширма не выдерживают ваших выходов.

— Именно! С тех пор, как на престоле наш государь, людям из Обители Сихэ разрешено лишь изредка проходить через наши земли, и то по самой пустынной дороге — Пути Фэнлянь. Ваш Владыка Обители, зная о своей дурной славе, согласился на это. Если кто-то осмелится сойти с пути, его тут же сдует великий ветер Фэнлянь, словно огненную птицу с крыльями! Так что не то что во дворец Чанлю, вы и к окраинам столицы подойти не сможете.

Дань Фэн подумал, что его брат по оружию, самый расчётливый во всей Обители Сихэ, действует безошибочно: если уж взялся за дело, то так, что не подкопаешься.

Но в его обрывочных воспоминаниях он отчётливо видел себя стоящим у подножия Пика Изумрудной Завесы и слушающим флейту, и не было в нём ни малейшего намёка на то, что его кто-то прогоняет.

Если только...

Пока он ломал голову, за дверью послышались шаги.

Железные сапоги, ровно два ряда, чёткий строевой шаг — отряд теневой стражи. Неужели они выследили его по запаху мускусной золотой канарейки?

Времени не было. Если его личность раскроют, все начнут сомневаться, и он больше не сможет выудить никакой информации.

В критический момент в голове Дань Фэна мелькнула мысль, и он выпалил:

— Я — посланник Обители Сихэ!

— Что? — переспросила Е Шуанчоу.

— Обычным ученикам Обители Сихэ разрешено лишь проходить через ваши земли, но я — посланник, отправленный Владыкой Обители! — на одном дыхании выпалил Дань Фэн. — Вы наверняка слышали об этом. Двадцать лет назад я, в качестве посланника, прибыл во дворец Чанлю для переговоров с вашим государем от имени Владыки Обители. Так я и познакомился с Его Высочеством, и у нас завязалась дружба.

Не успел он договорить, как Сюэ Юнь, закутанный в рваный шёлк, в попытке сбежать, врезался ему в плечо.

Дань Фэн, сбитый с мысли, в ярости пнул его ногой.

Но было уже поздно.

Дзынь.

Серебряный браслет выпал из-за пазухи Дань Фэна и на глазах у всех превратился в Кольцо из кости, рождающей ветер.

Всё пропало. Его узнали.

Взгляды фей резко изменились, и если бы взглядом можно было убить, его бы уже изрубили на куски. Дань Фэн молниеносно поднял браслет, но Е Шуанчоу уже указывала на него дрожащим пальцем.

— Так это ты, тот негодяй, что сорвал сегодня свадьбу!

— Это случайность, — сказал Дань Фэн.

Лицо Е Шуанчоу потемнело, и она стала похожа на демоницу.

— Негодяй, развратник, прелюбодей!

— Из-за одного браслета? Неужели всё так серьёзно? — удивился Дань Фэн.

— В те годы действительно был посланник, весь дворец об этом говорил. Так это был ты, проклятый убийца! — Е Шуанчоу стиснула зубы. — Как ты посмел... как ты посмел просить руки Его Высочества?

— Я? Чёрт!

От такого ответа Дань Фэн был одновременно и ошеломлён, и обрадован.

Эта сцена, в глазах обитательниц Мастерской Небесных Одежд, выглядела так, словно крыса упала в банку с мёдом — каждая черта его лица вызывала раздражение.

Тем временем главные ворота Мастерской распахнулись, и несколько воинов в чёрных доспехах, следуя за запахом мускусной золотой канарейки, ворвались внутрь.

Во главе их стоял воин средних лет. Шлем он держал под мышкой, его лицо было волевым и спокойным, а над густыми бровями призрачной серой краской были нарисованы глаза ястреба.

— Глава стражи Чанхэ, вы как раз вовремя. Сюда проник негодяй, я боюсь, он может навредить Его Высочеству, — гневно сказала Е Шуанчоу, указывая на боковую дверь. — Он здесь... эй, а где он?

— Он только что выпрыгнул оттуда, — сказала одна из фей.

— Этот негодяй ещё и по крышам бегает, не дайте ему проникнуть в резиденцию, — встревожилась Е Шуанчоу.

— Не проникнет, — сказал глава стражи, глядя на следы на земле, и отдал приказ: — Следите за ним, не подпускайте его к резиденции градоначальника ближе чем на десять ли.

— Есть! — хором ответили воины в чёрных доспехах.

Когда они ушли, глава стражи спросил:

— Негодяй? Что он сделал?

— Он осмелился назвать себя любовником Его Высочества. Такие бесстыдные слова, что и произнести стыдно, — покраснев, отвернулась Е Шуанчоу и пожаловалась: — И зачем только использовать этот аромат мускусной золотой канарейки, мы не успели подготовиться. Таких людей нужно встречать ядом скорпиона, чтобы они по дороге ползли боком.

— Это аромат, который производит Лазурный снежный ни, он меняется в зависимости от его настроения, мы не можем это контролировать, — добродушно объяснил глава стражи. — Раз с вами всё в порядке, не открывайте двери.

Е Шуанчоу что-то поняла и спросила:

— В резиденции что-то случилось?

— Сюэлянь устроили в городе беспорядки, мы всё ещё разбираемся, — ответил глава стражи.

— Я спрашиваю, что с Его Высочеством? — настаивала Е Шуанчоу.

Мастерская Небесных Одежд была боковым флигелем резиденции градоначальника. Находясь так близко, она была хорошо знакома с этими стражниками. Глава стражи Чанхэ, пока Его Высочество находился в резиденции, должен был неотлучно стоять у ворот, и его нарисованные глаза ястреба днём и ночью следили за всем, что происходит внутри.

С момента, как тот негодяй ворвался в Мастерскую, прошло уже много времени, а глава стражи прибыл только сейчас. Это могло означать лишь одно — в резиденции градоначальника произошло что-то более важное.

Глава стражи немного помедлил и ответил:

— Градоначальник отравлен... только не волнуйся, уже несколько групп целителей его осматривали. Двое из Союза Медицины Сюаньтянь нашли кое-какие зацепки, хотя противоядие и не нашли... Его Высочество ненадолго очнулся, а потом снова заснул.

— Отравлен?

— Должно быть, какой-то очень сильный яд, раз даже Его Высочество не смог устоять.

— Неудивительно, что снаружи такой шум. Почему нам никто не сказал!

Лица всех фей изменились, у некоторых на глазах появились слёзы. Е Шуанчоу кое-как их успокоила и сказала:

— Вы должны хорошо заботиться о Его Высочестве!

Глава стражи кивнул.

— Мне пора.

— Подожди, — сказала Е Шуанчоу, прижимая к себе Подушку безмятежных снов. Её глаза покраснели. — Ты говоришь, Его Высочество спит. Наверняка его снова мучают кошмары, и он не может найти покоя? Я пойду с тобой.

Она последовала за главой стражи, одной рукой прижимая к себе мягкую подушку, а другой, сжимая иглу с ниткой, на ходу продолжала вышивать.

Один за другим они вышли из Мастерской Небесных Одежд и, свернув, вошли в резиденцию градоначальника.

В Городе Блуждающих Теней светало.

Сюэ Юня вели в ткацкую мастерскую. Он обернулся, и на его щеке необъяснимо появилась ямочка.

Хоть он и был негодяем, выглядел он как юноша в расцвете сил — брови летели вразлёт, а губы были алыми, с привкусом сладкой ржавчины от крови на мече.

— Эй, ты чего смеёшься? — спросила сопровождавшая его юная фея, взглянув на него ещё раз.

— Ваша госпожа Е, похоже, вхожа в резиденцию и пользуется большим уважением градоначальника?

— Естественно, — с гордостью ответила юная фея. — Наша госпожа из дворца Чанлю, у неё истинный духовный корень ветра. Все одежды градоначальника сшиты по её эскизам.

— Это хорошо, — сказал Сюэ Юнь.

Его пальцы, спрятанные в рукаве, с силой сжимали белую шёлковую ленту. Холодное, гладкое прикосновение почти проникало в кожу.

Но этого было недостаточно.

Он мог лишь крепко впиться в неё ногтями, чтобы подавить бушующий в нём огонь.

Лента, что когда-то закрывала глаза Се Ни...

Та, что вместе с поясом упала в грязь!

<http://bllate.org/book/16978/1588866>